

Георгий Почепцов

СССР: СТРАНА, СОЗДАННАЯ ПРОПАГАНДОЙ

Георгий Георгиевич Почепцов

СССР: страна, созданная пропагандой

Серия «Современные технологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48521787

СССР: страна, созданная пропагандой / Георгий Почепцов; худож. - оформитель М. С. Мендор; Фолио; Харьков; 2019

Аннотация

Георгий Георгиевич Почепцов – доктор филологических наук, профессор, писатель-фантаст, ученый, автор более 20 книг для детей и более 40 на тему теории коммуникаций. Заслуженный журналист Украины, член Национального союза писателей. В мире современных коммуникаций и программирования человеческая память хранит из прошлого только то, что ей «велят» хранить технологии из настоящего. И главная роль здесь принадлежит пропаганде и метапропаганде. Своих вершин в эффективности и масштабности пропаганда достигает в сталинском СССР, гитлеровской Германии и путинской России. Эти три пропагандистские машины имеют общие черты и отличительные особенности. Но только советская пропаганда имела прочную научную (пусть даже околонаучную или псевдонаучную) основу в виде коммунистических идей,

что придавало ей определенную респектабельность. Об этом, а также о создании советской и постсоветской реальности с помощью контроля коммуникаций, о функционировании советской системы и многом другом рассказывается в этой книге. Раньше в издательстве «Фолио» вышли книги Г. Почепцова «Пропаганда 2.0», «Управление будущим», «Виртуальные войны. Фейки», «Когнитивные войны».

Содержание

Введение	5
СССР: как глаза пропаганды стали глазами человека	6
От СССР к USSR: как пропаганда строит мир	29
СССР как страна иллюзий	46
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Георгий Почепцов СССР: страна, созданная пропагандой

Введение

Мы забываем свои прошлые периоды истории, из-за этого вскоре их можно будет изучать почти как Древний Рим. Человеческая память хранит из прошлого только то, что ей подсказывают из настоящего.

Интересно то, что Советский Союз пользовался дворянской и дореволюционной литературой как своей собственной, хотя это была литература свергнутой им эпохи. Точно так же и постсоветское пространство пользуется литературой и искусством советского времени. И только частично все это можно пояснить инерционностью изменений в этой сфере.

Страна является очень сложной системой, которую невозможно описать по одному принципу. Существует множество измерений, руководствуясь которыми, мы каждый раз будем получать новый срез.

СССР: как глаза пропаганды стали глазами человека

Создание СССР было реальной революцией, поскольку поменялась вся система власти, а не только первые лица, как это часто бывает. Как следствие, менялось все – образование, наука, армия, литература и искусство, поскольку на них была возложена задача в кратчайшие сроки создать, обосновать и удерживать новую картину мира. И это не было простой задачей, поскольку были живы люди, которые помнили старую модель мира, и прошли сквозь дореволюционное образование и медиа. Дореволюционные литература и искусство потом были автоматически вписаны в свои, как и естественные науки, а вот гуманитарные типа истории были отвергнуты как буржуазные.

Кино и радио поднимаются в полную силу в советское время, так что именно пропаганда раскрыла их широкие возможности. При этом кино интересно тем, что использует чисто физические характеристики актеров типа красоты и обаятельности для создания близости со зрителем. Наверное, от такой же точки берет свое начало американская идея кинозвезд. Герои должны быть симпатичны зрителю, иначе они не смогут сойти с экрана в жизнь.

В этих лучах пропаганды вырастали новые поколения, ви-

девшие вокруг себя только тот мир, который опирался на пропаганду. Акценты пропаганды стали акцентами массового сознания, поскольку значимым для нашего понимания мира является лишь то, на что обращают наше внимание.

Если модель мира в норме создается столетиями, то в советское время ее следовало создать в самые кратчайшие сроки – 20 лет. Именно это объясняет интенсивность и нужность пропаганды, результатом работы которой стали своеобразные «потемкинские деревни» во всех областях и сферах. В Советском Союзе переписали не только свою историю, но и чужую, например, приписав себе множество изобретений, которые Запад считает своими.

Советская пропаганда оказалась очень сильной, поскольку опиралась на множество своих механизмов. Во-первых, для нее были характерны максимальные объемные повторы, достигаемые как массовым тиражированием, так и переводом нужных мифов и сообщений в мягкие формы – литературу, кино, искусство. Если в школе и институте человек зубрил пропагандистские истины рационального толка, то в случае мягких форм его обволакивали эмоции, представлявшие те же пропагандистские истины «с человеческим лицом». Если в учебнике истории к победе приходили большевики, то в кино побеждал физически привлекательный герой, который тоже оказывался коммунистом. В одном случае это был закон истории, в ином – его реализация на конкретном примере.

Во-вторых, советская пропаганда функционировала в условиях монолога, так как любое контрмнение изгонялось из обращения. Оно не могло транслироваться, поскольку признавалось антисоветским. Сначала были изгнаны носители такого контрмнения – типа Троцкого, которые могли по авторитетности конкурировать с первыми лицами. Но в любом случае это был качественный информационный и виртуальный продукт, находившийся на пике возможного уровня влияния.

Третьим инструментарием пропаганды была роль спецслужб, которые «гасили» любые неправильные информационные потоки, в связке с ними работала и цензура, и добровольное «творчество» масс в виде доносов.

Алексей Рошин, например, говорит о системе доносов: «В принципе СССР была системой, которая очень поощряла доносы, в том числе анонимки. Но это – во-первых. А во-вторых, поскольку сама форма управления при советской власти была полностью герметична, и там, в принципе, механизмы обратной связи не существовали по-настоящему, то власть, чтобы примерно представлять себе, что происходит, доносы активных граждан поощряла. На эту тему снимались фильмы и писались книги. В том числе доносы использовались для взаимного контроля среди властей предрежащих – для просеивания аппарата» [1].

Та же ситуация «чужих» глаз была и на уровне первых лиц, которые и сами часто начинают верить тому, что гово-

рила пропаганда вчера или телевизор – сегодня. Дополнительно к этому их взгляды формировали помощники и спичрайтеры, сидевшие в кабинетах поменьше. Чем человек сидит выше, тем более тщательно отобранный поток информации к нему поступает. Его глаза и уши – это глаза и уши его помощников, и других у него нет, поскольку даже ближайшие «соратники» все равно имеют свои интересы, которых не должно быть у помощников, полностью живущих жизнью своего шефа. Советская модель управления знает помощника Сталина во всех сферах Поскребышева или Мехлиса в сфере идеологии.

В своей книге о Мехлисе Юрий Рубцов говорит: «Немало самых пышных эпитетов в адрес вождя прозвучало из уст Мехлиса на апрельском совещании политработников РККА, на XVIII съезде ВКП(б). Сам за себя говорит и пафос его доклада об итогах съезда на собрании партактива Киевского особого военного округа, растиражированного 6 апреля 1939 года «Правдой»: «Сталин – это Ленин сегодня. Сталин – наше знамя. Сталин – победа. Сталин – мировая коммуна. Хай живе рідний Сталін!» В связи с этим особый интерес представляют обстоятельства, при которых появился знаменитый лозунг «За Родину! За Сталина!» В периодической литературе даже возникал спор, существовал ли такой лозунг или клич, шли ли с ним в бой в Великую Отечественную? Как установил О. Ф. Сувениров, Мехлис, начиная с ханских событий, а затем и во время боев на Халхин-Голе

и Карельском перешейке, всеми доступными ему способами добивался, чтобы этот лозунг был главным призывом для политработников, командиров, красноармейцев. Надо ли при этом говорить, что безудержное восхваление «отца народов» и его политики в пропаганде сопровождалось абсолютным замалчиванием колоссальных жертв, принесенных народом на алтарь сталинской деспотии» [2–3].

Многие из пропагандистов были, вероятно, неплохими людьми. Но это было их работой – нести в массы очередной повтор мудрых мыслей вождей. У вождей их было так много, что найти их можно было на все случаи жизни и на все времена года.

Первые лица были окружены сонмом обслуживающего персонала, в том числе идеологического. Михаил Суслов обладал картотекой с цитатами на все варианты развития событий. Именно он пользовался непререкаемым авторитетом у Леонида Брежнева.

У Брежнева такими глазами и ушами, сквозь которые он видел мир, был Андрей Александров-Агентов. Кстати, он опровергает мнение о недалекости Брежнева: «Я никогда не соглашусь с таким грубым упрощением личности Брежнева. Он был самокритичен и в последние годы жизни дважды ставил вопрос о своей отставке, но „старики” – Тихонов, Соломенцев, Громыко, Черненко – не допустили этого: больной Брежнев был им удобен. Кроме того, примитивный человек не окружил бы себя столь выдающимися людьми, как

лучший организатор производства, творец оборонной мощи СССР Устинов или как Андропов, к которому Брежнев относился теплее всего. Работать с Брежневым мне было легко и приятно. К мнению собеседника он относился с уважением: никогда априори не отвергал чужую точку зрения, позволял с собой спорить – иногда даже настойчиво и энергично. Как то я не удержался и показал ему понравившуюся цитату из журнала: „Нервный человек не тот, кто кричит на подчиненного, – это просто хам. Нервный человек тот, кто кричит на своего начальника”. Брежнев расхохотался и сказал: „Теперь я понял, почему ты на меня кричишь”» [4].

Но по уровню интеллекта он все же «поднимает» Юрия Андропова: «Он был наиболее интересным партнером. С ним я был довольно хорошо знаком на протяжении тридцати лет и, если возникала потребность с кем-то посоветоваться, проверить на умном человеке свою идею, я звонил Юрию Владимировичу, да и он мне иногда. Кстати, уже будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, он вспоминал: „А помните, как я стажировался в МИДе под вашим руководством?”».

Все это «милые» воспоминания, когда мемуарист обычно раскрывает выгодные для себя детали и подробности, оставляя за порогом неприятное.

Леонид Млечин в своей книге «Брежнев» так раскрывает взаимоотношения Александрова-Агентова с Брежневым: «Можно сказать, что Александров-Агентов во многом

сформировал представления Брежнева об окружающем мире. „Однажды в припадке откровенности Александров так и сказал нам, что создал этого человека”, – вспоминала Галина Ерофеева, которая знала брежневского помощника не одно десятилетие. Ее муж, Владимир Иванович Ерофеев, работал с Андреем Михайловичем в Швеции, когда послом была знаменитая Александра Михайловна Коллонтай. „Человеку с солидным университетским образованием, – пишет Галина Ерофеева, – знающему пять языков, любящему поэзию, он увлеченно читал Сашу Черного на вечеринках – иметь повседневно дело с ограниченным, малокультурным боссом, „тыкающим” его, когда он с собственной женой говорил на „вы” (по укоренившейся привычке конспирировать их связь в студенческие годы перед родителями жены), было, конечно, не в радость”» [5].

Тяжело, видимо, психологически было этим помощникам, а это с неизбежностью прорывалось в быту. Есть рассказ, что Александр Бовин, когда его позвали к телевизору слушать речь генсека, ответил, что зачем ему слушать то, что он сам написал.

У Млечина есть другой такой рассказ: «Леонид Ильич очень ценил Александра Евгеньевича Бовина, который сочинял ему речи. Сам Бовин, показывая на многотомное собрание сочинений Брежнева, любил говорить: „Это не его, а мои лозунги повторяет советский народ!”»

Но однажды КГБ перехватил письмо Бовина, в котором он

жаловался, что вынужден работать «под началом ничтожных людей впустую». Юрий Владимирович Андропов позвал Георгия Аркадьевича Арбатова, дружившего с Бовиным, показал ему письмо. Пояснил: придется показать письмо Леониду Ильичу, а он примет эти слова на свой счет. Арбатов пытался разубедить Андропова – зачем нести письмо генеральному? Отправьте его в архив, и – все...

– А я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу, – ответил Андропов. – Ведь КГБ – сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Найдутся люди, которые доложат Леониду Ильичу, что председатель КГБ утаил нечто, касающееся лично генерального секретаря.

Бовина убрали из аппарата ЦК, сослали в газету «Известия». Правда, через несколько лет Брежнев сменил гнев на милость. Бовина вновь привлекли к написанию речей для генерального секретаря. В порядке компенсации избрали депутатом Верховного Совета РСФСР».

Пропаганда, по сути, формирует мемы, которые должны затем «плыть по волнам нашей памяти» самостоятельно. Поэтому главным мемом была такая легитимация Сталина: «Сталин – это Ленин сегодня». Или послевоенная широко распространенная надпись на домах «Слава КПСС». Она привела даже к анекдоту: «Кто такой Слава Метервели знаю, а кто такой Слава КПСС – нет». Кстати, в Москве даже прошла выставка современных мемов ([6], о мемах с точки зрения современной науки [7–10]). Мемы позволяют «закры-

вать разрывы» между действительностью и человеком.

Олег Радзинский, сын писателя Эдварда Радзинского, получивший срок за антисоветскую деятельность, подчеркивает, что население не понимало, зачем и почему диссиденты что-то делают. Он говорит: «По поводу разочарования: было разочарование, оно появилось позже, уже когда я ушел из Лефортова, пошел по этапам, по тюрьмам, а потом на лесоповале. И там я вдруг выяснил, что тот народ, ради которого я собирался положить свою жизнь, и за права которого я боролся, он, в общем-то, не понимает суть моей деятельности, не понимает, что мне было нужно. Меня уголовники долго выпрашивали: „Олежа, ну, расскажи, а чего ты сделал?“ Я говорю: „Ну, вот, я говорил то, что хотел“. Они отвечают: „А я всегда говорю, что хочу“. Я говорю: „Я читал, что хотел, и хотел, чтобы другие могли читать, что они хотят“. А они: „Да я вообще ничего не читаю“. Они никак не могли понять, что же я сделал, и для чего, главное, это было сделано, ради кого...» [11].

Такое понимание как раз и является яркой демонстрацией действия пропаганды, которая своей работой заменяла реальную действительность фиктивной. Отсюда мощное давление и контроль над теми, кто часто косвенно порождал эти пропагандистские картины мира. Я имею в виду писателей, которые не могли спрятаться за производством машин или доказательством теорем, поскольку их интеллектуальный труд как раз и состоял в создании картин мира. Однако

для них лекалом должен был стать соцреализм, а писатели выступали в роли «инженеров человеческих душ».

Вениамин Каверин пишет в своей книге воспоминания «Эпилог»: «Необычайная, сложная, кровавая история последнего полувека нашей литературы прошла на моих глазах. Она состоит из множества трагических биографий, не совершившихся событий, из притворства, предательства, равнодушия, цинизма, обманутого доверия, неслыханного мужества и еще более неслыханной возможности самоуничтожения. Она состоит из медленного процесса деформации, продолжавшегося годами, десятилетиями» [12].

Страна, в которой над всем довлела идеология, с неизбежностью должна была «терять» материальный мир. Она во всех своих действиях руководствовалась не человеческим, а идеологическим подтекстом: от голодомора 1932–1933 гг. до репрессий 1937-го. Человек становится лишь средством достижения идеологических целей.

Андрей Битов говорил в одном из своих интервью: «Империи обязаны падать, они долго не держатся, но последствия их распада всегда ужасны для соседей или бывших колоний. Россия заплатила за то, чтобы сохраниться в качестве империи Октябрьской революцией. Я уверен, что имперское историческое подсознание сработало на то, чтобы выдвинуть более жестокий режим, который сковал бы страну льдом ГУЛАГа. И империя сохранилась – только в советском облике» [13].

И у него есть еще одно понимание ситуации, что тиран является составной частью империи: «Путин мог поступить по-другому, потому что тиран – это часть организма империи. И Чингисхан, и Наполеон. Они размышляют не мировыми категориями, они считают, что власть всегда права. Это ощущение правоты – худшее из зол, которые я знаю. А Россия к тому же еще и очень провинциальна (как, впрочем, провинциальна теперь и Европа) – провинциальна, потому что всегда жаждет признания». А если это так, то продолжением этого наблюдения становится понимание того, что строительство империи автоматически ведет к появлению тирании, поскольку тиран – движущий моторчик этой империи.

Пропаганда должна не только повествовать об успехах, реальных или мнимых, но и закрывать от массового сознания знание негативных для государства событий. Например, советские люди ничего не знали о расстреле в Новочеркасске, разрешение на которое дал Никита Хрущев [14]. Хрущев свою власть укрепил, хотя и ненадолго, а заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенант Матвей Шапошников, который отказался бросить против безоружных демонстрантов танки, поплатился за это карьерой [15]. Это был голодный бунт рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода, который великий реформатор, борец со сталинизмом и чуть ли не «автор» оттепели жестоко подавил [16]. Генерал Шапош-

ников сказал: «Я не вижу перед собой противника, против которого можно применять танки!» (о подавлении массовых беспорядков в СССР [17–19]).

Пропаганда скрывает негативные события, а цензура вообще запрещает о них говорить. Такой темой для Украины был голодомор ([20–22], о правовой квалификации его см. [23–24]). Коллективизация, которая была аналогом индустриализации для сельского хозяйства, вызвала сотни сельских восстаний, поскольку никто не хотел отдавать свою собственность. Украина была наказана Сталиным изъятием всего зерна. И поскольку не оставляли даже колоска, то возник страшный голод. Но еще страшнее стал запрет на информацию об этом. Она должна была исчезнуть и из истории, и из социальной памяти.

Тоталитарные государства очень серьезно нацелены на управление памятью. Они выстраивают свое прошлое точно так, как выстраивают настоящее и будущее. В результате образуется замкнутый цикл истории, где любая ситуация оказывается оправданной.

Сергей Плохий пишет в своей книге: «Большинство ученых согласно, что голод носил действительно искусственный характер, обусловленный официальной политикой; хотя он также распространился на Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Казахстан, но только в Украине он был следствием политики с четко этнонациональной окраской: голод начался вскоре после решения Сталина о прекращении политики

украинизации вместе с наступлением на украинские партийные кадры. Голодомор нанес украинскому обществу серьезную травму, лишив его способности давать открытый отпор режиму на поколения вперед».

Пропаганда может сознательно уводить внимание массового сознания, переключая его на другие события. Она может менять оценки события на противоположные. Отрицательное событие – гибель «Челюскина» становится ярким позитивным событием «спасения челюскинцев».

Сегодня это активно использует Китай: «Существует равнозначная угроза в отвлечении общественности от нарратива, который проводит правящая партия, а им это может не понравиться. Китай, вероятно, добился наибольших успехов в практическом применении этого подхода. К примеру, когда начинает набирать популярность неудобный нарратив для компартии Китая, дается команда, и огромные группы населения начинают постить громкие новости о жизни поп-звезд, а также другой развлекательный и потенциально массовый контент. Все для того, чтобы растворить неудобную историю в информационном мусоре» [25].

Еще один пример реинтерпретации – это понимание распада СССР, удерживаемое сегодня официальной Россией. По этому поводу хорошо высказался Даниил Дондурей: «Возьмем актуальную тему падения СССР. Это событие трактуется как страшная геополитическая катастрофа. Я ни разу не слышал даже отзвука идеи о том, что великий рос-

сийский народ отпустил в свободное плавание бывшие окраины, колонии. Нет речи и о том, что в бывших советских республиках (кроме Белоруссии) не было никаких движений, чтобы остаться: все проголосовало за независимость. Но идеологическая историческая телемашина раскручивает исключительно тезис о том, что распад СССР – страшная трагедия советского народа. Почему? Да потому, что, хотя население РСФСР составляло чуть больше половины населения СССР, в нашей исторической традиции живет имперское сознание, связанное с необъятной территорией, с огромными войсками, использованием одного языка, с философией и практикой титульной нации. Именно эти представления советского образца телевидение транслирует все двадцать лет. Солдаты должны жертвовать, обычные люди могут терпеть лишения, а олигархи, высшие чиновники и банкиры должны управлять. И никто не будет обращать внимание страны на то, что в 1941 году попавших в плен было на полмиллиона человек больше, чем численность всех немецких войск: взято в плен 4 миллиона человек, а вся группировка немецких войск против СССР составляла тогда 3,5 миллиона» [26].

И еще обо всей этой системе использования информации: «Безусловно, телевидение информирует об исторических событиях с большой долей научной достоверности – когда, как и с кем они происходили. Сегодня ведь зачастую меняются не сами факты, а их интерпретация. Причем эта работа

по сравнению с советскими временами принимает все более изощренные, современные формы. Видимая цензура на телевидении отсутствует, зато предлагается обилие разных, редко консолидируемых точек зрения. И это в большинстве случаев затуманивает само понимание события, создает в головах мировоззренческий мусор. Например, можно говорить по поводу Ленина, Гражданской войны, брежневского времени, Сталина, застоя – да о чем угодно. В транслируемом обилии точек зрения разобраться будет совсем не просто».

Как могло создаваться счастье, когда люди жили в достаточно тяжелых материальных условиях? В качестве главного компенсатора выступали информационное и виртуальное пространство. В них СССР очень активно строил будущее, в котором и будут решены все материальные проблемы.

Однако мы имеем в определенной степени близкую ситуацию и в сегодняшнем дне. Эдуард Понарин так видит этот тип «счастья» в России: «Ни коммунизм, ни либерализм для нас не сработал, и мы ищем счастья на другом уровне. В 2008 и 2017 году повысилась гордость за нашу страну. 2008 год был периодом быстрого экономического роста, потом случилась маленькая война с Грузией, где за несколько дней была одержана победа – не столько над грузинами, сколько над США. Мы доказали, что мы самая великая страна в мире. Это было приятно на фоне прекратившегося экономического роста. 2017 год – это результаты Крыма, который случился

в 2014-м, и Сирии, которая случилась в 2015-м и до сих пор происходит. Крым и сейчас время от времени фигурирует в СМИ, и национальная гордость растет. Советские люди были горды своей страной, но со временем становилось понятно: что-то идет не туда, и новые поколения были все менее и менее горды своей страной по сравнению со стариками. Но за последние годы, особенно в 2017-м, мы достигли примерно того уровня [гордости], что и поколение советских людей 1920-х годов» [27].

И продолжение этих рассуждений: «В чем, по мнению элиты, заключается сила государства? В начале перестройки большинство думало, что силу государства определяет экономика. Союз был великой военной державой, но распался: небольшой процент [людей] считал, что военная сила – это важно. Мы видим поступательное смещение двух линий – большинство начинает думать, что военная сила самая важная, а экономическая – нет. Это движение ускорилось вместе с крымскими событиями. Привлекательность нынешней политической системы растет и легитимируется новой национальной идеологией. И она становится все более и более популярной среди российских элит. Хотя какой-то процент людей (15–20 %), которые предпочитают западную демократическую систему, остается. Как это связано со счастьем? Суть в том, что этот выбор, который сделан вместе с крымскими событиями, – окончательный разворот против Запада, за национальную идеологию, которая построена на об-

разе внешнего врага. Она пользуется поддержкой не только внутри элит, но и на уровне масс. Несмотря на то, что экономического роста нет уже десять лет, люди счастливы. Есть Крым, Сирия, сейчас есть футбол. Мы пошли по тому же пути, что и Латинская Америка, а не Швеция».

То есть вновь победила восточная коллективистская модель, а не западная, ориентированная на индивида. Причем речь идет, конечно, не столько о выигрыше общества как государства. Идеологическое и пропагандистское выступили в роли заменителей экономического. И это возможно только в одном случае – нейропсихологи установили, что сакральное не меняется на материальное. То есть, завышая государство, можно закрыть лишения.

Юрий Богомолов также увидел близость процессов 1930-х с современными российскими пропагандистскими ток-шоу: «Тогда было проще спать и мечтать. Все было под контролем: и поступки граждан, и их мысли, и даже сновидения. В том числе и преступные. И разоблачительные спектакли на сцене Колонного зала при полном аншлаге производили хорошее впечатление своей организованностью, а главное – слаженностью. Обвинитель Крыленко страстно обвинял вредителей. Вредители, профессора и инженеры, не возражали. Более того, старались пуще прокурора уличить себя в собственных злодеяниях. И никто из граждан Страны Советов, включая Константина Сергеевича Станиславского, не смел молвить, хотя бы шепотом: „Не верю“. Сейчас все несколько

усложнилось. Подсудимые возражают. У них находятся защитники из „пятой колонны”. Аудитория стала неоднородной, дробной. И как эту дробь привести к общему знаменателю? Можно было бы, как некогда, сократить ее. Остаток замести в ГУЛАГ. Но в XXI веке не всем будет понятна польза от такой арифметики. Хорошо, что в эпоху федерального телевидения она не так уж и надобна. Тут работает другая технология. И, надо признать, довольно эффективно. Больше не нужен пафосный Колонный зал с шикарными люстрами; довольно просторной студии в Останкино с несколькими рядами скамеек для платных клакеров, которые по команде исправно аплодируют или неодобрительно гудят. Самих врагов нет, но есть их представители. Им позволено сказать несколько слов, но не больше, потому что либо их прерывают ведущие-вышинские, либо кто-то из экспертов начинает одновременно говорить, к нему присоединяется другой, ведущий несет свое, звучат оскорбления, угрозы, и это все вместе называется дискуссией, которая в иных случаях заканчивается рукоприкладством» [28].

В создании системы советского оптимизма очень серьезную роль играла героика. Тем более что следовало создать совершенно новый свой собственный список героев. Причем человек с помощью, например, кино легко погружался в чужой мир, который тем самым становился его собственным. По сути, даже в ситуации гибели героя, что является достаточно частотным, поскольку функция героя как раз и состо-

ит в том, чтобы отдать свою биологическую жизнь ради жизни социальной, коллективной, мы находимся в оптимистическом сюжете – все выживают благодаря ему. Советский герой тут ничем не отличается ни от западных, ни от христианских мучеников. И смерть здесь однотипно становится не негативным, а позитивным событием.

Герой, по сути, является алфавитом, с помощью которого государство рассказывает о себе. При этом нехватку героики сегодня можно компенсировать бесконечным списком героев прошлого.

Россия в результате так же пошла по советскому пути конструирования себя. Большую роль при этом сыграли Г. Павловский и В. Сурков [29–30]. Сегодня технологически систему скорее удерживает телевидение, а не политика.

СССР был более успешным и более сильным в информационном и виртуальном пространствах, чем в пространстве физическом. Кстати, именно поэтому идеология шла вперед всего, а идеологические отделы ЦК были важнее любых других. При этом они не столько строили новое, как удерживали старое. Эта ориентация назад и привела среди прочих факторов в результате к брежневскому «застою», следующим шагом после которого стал развал СССР.

Литература

1. Рошин А. «Люди понимают, что сила – единственная

власть» Россияне не любят стукачей, но стучат. На кого и зачем? Интервью // lenta.ru/articles/2018/12/05/donos/.

2. Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя // unotices.com/book.php?id=111000&page=36.

3. Мехлис Лев Захарович // ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D1%85%D0%BB%D0%B8%D1%81,_%D0%9B%D0%B5%D0%B2_%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.

4. Александров-Агентов А. Со мной советовались четыре генсека // web.archive.org/web/20070208113836/http://hronograf.narod.ru/01/sovet.htm.

5. Млечин Л. Брежнев. – М., 2011.

6. Максимовская М. «Все негативное запоминается лучше». 90-е превратили Россию в страну мемов. Эпоха ушла, но шуток меньше не стало. Интервью // lenta.ru/articles/2018/12/04/mem/.

7. Coscia M. Popularity Spikes Hurt Future Chances For Viral Propagation of Protomemes // cacm.acm.org/magazines/2018/1/223889-popularity-spikes-hurt-future-chances-for-viral-propagation-of-protomemes/fulltext.

8. Coscia M. Average is Boring: How Similarity Kills a Meme's Success // www.nature.com/articles/srep06477.

9. Coscia M. Hitting the front page triggers an evolutionary arms race // www.michelecoscia.com/?cat=56.

18. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневe (1953 – начало 1980-х гг.) – М., 2009.
19. Козлов В. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. // sd-inform.org/upload/books/Antitotalitarism/Borjba%20trudjashihsja/Kozlov_Neizvestnyiy_SSSR._Protivostoyanie_naroda_i_vlasti_1953-1985.pdf.
20. Плохій С. Брама Європи. Історія України від скіфських воєн до незалежності. – Харків, 2016.
21. Плохій С. «Півкраїни було в селянських повстаннях. А після Голодомору братися за це не було кому». Інтерв'ю // gazeta.ua/articles/events-journal/_pivkrayini-bulo-u-selyanskih-povstannayah-a-pislya-golodomoru-bratisya-za-ce-ne-bulo-komu/870732.
22. Епплбом Е. Червоний Голод. Війна Сталіна проти України. – Київ, 2018.
23. Кульчицький С. Проти кого був спрямований сталінський удар? До обґрунтування правової кваліфікації Голодомору як геноциду // day.kyiv.ua/uk/article/istoriya-i-ya/proty-kogo-buv-spryamovanyy-stalinskyy-udar.
24. Кульчицький С. Проти кого був спрямований сталінський удар? – 2. До обґрунтування правової кваліфікації Голодомору як геноциду // day.kyiv.ua/uk/article/istoriya-i-ya/proty-kogo-buv-spryamovanyy-stalinskyy-udar-2.
25. Белый шум, ложь и откровенные фейки в интервью ре-

дактора Buzzfeed // media.dn.ua/article/141-belyy-shum-lozhy-otkrovennyye-feyky-v-yntervyu-redaktora-buzzfeed.

26. Дондурей Д. Производство мировоззренческого мусора // www.libma.ru/istorija/zhurnal_diletant_2012_01/p22.php

27. Понарин Э. Почему россияне счастливы, хотя в стране уже десять лет почти нет экономического роста? // paperpaper.ru/campus/geopolitics/?utm_source=mediazona&utm_medium=partners&utm_campaign=friends&fbclid=IwAR0D2dzqnLwu64TeEbq4VDHpwEzMfvRn0S3TWe1fkzqzD8T_mr20U.

28. Богомолов Ю. Что объединяет хорошие сериалы и пропагандистские ток-шоу // snob.ru/entry/167805?fbclid=IwAR3_Ynk2V6QQH_0gIfTiXDDpUI9nUIiU09r7pLk

29. Бекбулатова Т. Диссидент, который стал идеологом Путина. Полная история Глеба Павловского – человека, придумавшего современную российскую власть // meduza.io/feature/2018/07/09/dissident-kotoryy-stal-ideologom-putina.

30. Тагаева Л. Павловский подводит итоги. «Политика – это текст. Слава, не вышло текста» // republic.ru/russia/pavlovskiy_surkovu_ob_itogakh_raboty_politika_eto_tekst_slava_ne_vyshlo_teksta-943743.xhtml.

От СССР к USSR: как пропаганда строит мир

СССР построил не Ленин, но Сталин. Именно он заложил строительные леса и создал все существенное: образование, литературу, искусство – с одной стороны, индустриализацию и ядерную бомбу – с другой. И жить мы продолжаем все равно в той системе координат, которая была заложена тогда, поскольку вряд ли то, что мы видим за окном, можно признать демократией или капитализмом.

СССР несправедливо делил результаты всеобщего труда, отдавая львиную долю на оборону. Но и сейчас мы несправедливо делим эти результаты, когда все работают на обогащение 50–100 семейств. При этом вполне прибыльным делом стала работа и в спецслужбах, судах, то есть в тех точках, которые были призваны удерживать справедливость самыми жесткими методами, а теперь эту справедливость просто можно купить.

СССР оказался жестким государством, построенным на репрессиях и на пропаганде. Но после пика репрессий 1937 года они выступали во многом в роли напоминания о неправильном поведении, поскольку не использовались так активно. СССР застолбил свои правила поведения в массовом сознании за несколько десятков лет, на что у других стран ухо-

дили столетия. Правда, всегда в СССР вариант «оттепели» сменялся на вариант «подморозки». Но все равно благодаря краткому периоду свободы вырастало новое интересное поколение, последним примером которого были «шестидесятники».

Из-за жесткого контроля советская система не обладала той свободой воли, которая требуется для самостоятельного развития. Поэтому она двигалась «толчками», исходящими сверху. Наверху были и все планы страны. Лишение инициативы внизу тоже было одним из тормозов развития. И, конечно, в роли такого тормоза выступала и неадекватная экономическая модель, которая хорошо отражала требования военного времени, но не годилась для мирного.

В Советском Союзе были сильные образование, наука, медицина, что в общем соответствовало его военным, а не мирным потребностям. К примеру, хирургических отделений требовалось больше, чтобы в случае войны ими можно было воспользоваться. Это же касается большинства предприятий, которые сразу могли переходить на военное производство.

Если идеологию, книжную и базовую, СССР взял чужую (марксизм), то идеологию бытовую он взял свою – дворянскую XIX века, положив ее на базу художественной литературы и культуры. И Пушкин, и Чайковский стали советскими, хотя государственность, в рамках которой они выросли, была враждебной. И история страны писалась не по царям,

а по всплескам освободительного движения.

Галина Иванкина, активно изучающая культуру советского времени, поэтому мы будем часто на нее ссылаться, констатирует: «От прошлого (безусловно темного и жестокого, как писалось в детских учебниках) советский мир активно и при этом – придирчиво брал все лучшее, а точнее – тщательно препарировал именно дворянскую культуру. Советская дидактика базировалась на аристократических, даже рыцарских добродетелях – на чести, на служении, самоотречении. Давайте освежим в памяти торжественное обещание юного пионера, которое маленький советский гражданин давал, вступая в ряды красногалстучной организации. „Вступая в ряды Всесоюзной Пионерской Организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...”. Ребенок с детства включался не просто в общественную работу, но в рыцарское служение идее. Иначе, зачем клятва? Дворянский мир испокон веков был наполнен ритуалами – и это не только посвящение в рыцари. В более позднюю эпоху, уже во времена Людовика XIV, тщательно разрабатывались и претворялись в жизнь всевозможные мероприятия, вроде представления ко двору или, скажем, присутствия при королевском отходе ко сну. Советский образ жизни, особенно в эпоху Сталина, был также наполнен ритуальными, почти сакральными, действиями. Скептическому буржуазному разуму, напротив, чужда любая патетика, а уже имеющиеся в обществе ритуалы он

старается минимизировать или же подвергнуть „проверке на полезность”» [1].

Вся идеология воспитания была направлена на умение воевать и умение работать. Трактористы легко становились танкистами, а танкисты – трактористами. По сути, для страны это была одна модель. Воспевались две касты – военная и трудовая. Каноны героев и брались из этих двух сфер. И это тоже новизна, поскольку герои раньше были только боевыми. И для трудовых героев пришлось ввести тоже параллельный знак отличия – Герой социалистического труда.

Вся система литературы, кино, искусства серьезным образом была ориентирована на отображение труда, который символизировался как всеобщее счастье. Соцреализм тоже был направлен на труд. Как следствие, жизнь людей, успешность их судеб вытекали из успешности их труда. Но это как бы не было труд индивидуального порядка, поскольку герои выполняли план своего цеха или завода, колхоза или совхоза, шахты. Как писал В. Маяковский: «Радуюсь я – это мой труд вливается в труд моей республики». То есть акцент труда виделся в общественной пользе, символизировался именно так.

Это был такой почти бесконечный поток мягкой пропаганды: «В Советском Союзе превозносился труд как явление и феномен. Не лишь результат, а конкретно – процесс. Псевдо-эллинистические барельефы с токарями и доярками, „барочные” виноградники и золотые пашни, трактора, домны,

градирни, ЛЭПы – искусство бесперебойно славил работу и работника» [2].

Страну все время поднимали на прорыв и порыв. Это была попытка сохранить ощущение революционного рывка 1917-го, который подавался как «заря» всего человечества. Это было движение, а не покой. Молодая страна, молодые руководители... Это не время застоя, когда все уже были стары – и страна, и руководство. Брежнев один раз в 1979 году даже потерял сознание на заседании политбюро.

При этом единое руководство – и страной, и индустрией, и пропагандой – могли задавать нужную скорость развития или хотя бы ощущение этой скорости. Причем пропагандой было все: кино, песня, книга, спектакль. При сильной и умелой пропаганде происходит перетекание ее модели из общественной в личную. Модель мира советского человека была скорее государственно, чем личностно ориентированной. Личные интересы уходили на периферию. Их высмеивали как Эллочку Людоедку с ее ситечком [3].

«Время, вперед!» говорила музыка из сюиты Георгия Свиридова, звучащая в заставке основной новостной телепрограммы «Время», которую не мог пропустить ни один советский человек. Мир двадцатых, когда и произошел реальный разрыв времен, смыкался в этом плане с миром послевоенным в надежде сохранить скорость своего развития.

Но после двадцатых пришли тридцатые. Комсомольцы повзрослели, быт стал конкурировать с порывами. И это пе-

ренеслось назад из домашнего быта в общественный. Людям нужна была передышка, хотя бы временная. Они были за, но практикуемая мобилизационная экономика и политика упирались в торможение бытом. Даже у Маяковского было сходное наблюдение перехода порыва в торможение, хотя и личностное, и в другое время: «любовная лодка разбилась о быт».

Государство ответило на этот призыв: «Уже в 1930-х годах вкусы и смыслы кардинально поменялись – начались статьи о том, что Демьян Бедный – это, конечно же, хорошо, но дворянский пиит Пушкин – это база и без него – никак. Вальс и мазурка, Новогодняя елка в бывшем Дворянском Собрании, портики и колонны, маскарад с фейерверком в Сокольниках. Рабочие клубы переименовались в дворцы культуры, а стильная бедность конструктивного рации была объявлена „проявлением буржуазного формализма“. О домах-коммунах предпочитали больше не вспоминать, а молодых пролетариев срочно принялись учить старорежимному политесу» [4].

То есть снятие мобилизационного напряжения сразу привело к частичной смене парадигмы, которую взяли из прошлой жизни. Это был в определенной степени послереволюционный откат к спокойной жизни.

Внезапно вернулась и елка, которая до этого преследовалась как признак религиозного рождества. Вот как это было: «Все началось с того, что четверо высокопоставленных во-

ждей во главе со Сталиным 27 декабря 1935 года ехали в машине по Москве, осматривая предновогоднюю столицу. Вот как об этом в своих мемуарах рассказывал Н. С. Хрущев: „Вышли мы, сели в машину Сталина. Поместились все в одной. Ехали и разговаривали. Постышев поднял тогда вопрос. „Товарищ Сталин, вот была бы хорошая традиция, и народу понравилась, а детям особенно принесла бы радость, – рождественская елка. Мы это сейчас осуждаем. А не вернуть ли детям елку?“ Сталин поддержал его: „Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с предложением вернуть детям елку, а мы поддержим“. Сказано – сделано. Уже 28 декабря 1935 года в „Правде“ вышла заметка Павла Постышева: „Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!“» [5].

Так елка вдруг из алфавита символов прошлой системы появилась в следующей. Так постепенно Сталин возвращал символизации, уничтоженные после революции. Появились министры и воинские звания, вернулись погоны у военных. И это говорит о его определенной удовлетворенности жизнью в стране, которая и разрешила возврат старых символов.

Советское искусство было достаточно сильным, хотя ему приходилось соединять в себе казалось бы несоединимое: идеологические и художественные требования. Но другого варианта не было, поэтому сильные умные писатели и художники всегда оставались и пропагандистами, если хотели, чтобы их текст увидел свет. Просто известный писатель имел возможность хоть как-то бороться с цензурой.

Г. Иванкина видит и позитив в цензуре, причем ее можно в чем-то и поддержать, поскольку пропажа советской цензуры не дала никакого взлета искусству, как можно было бы ожидать. Она пишет: «Бесспорно, советский агитпроп отсеивал и процеживал информацию, поступавшую к читателю, зрителю, радиослушателю. Однако уже доказано, что подлинный шедевр остается таковым, даже если его слегка купировать (пусть и в угоду идеологии): любое упоминание о культовых кинокартинах всегда содержит воспоминание о том, как цензор вырезал „все самое лучшее“. Если же подытожить, то вырисовывается прелюбопытное: в СССР пестовалась крепкая, здоровая нормальность. Все придурковатое и сомнительное – убиралось, заменялось, изгонялось. Сейчас, напротив, хорошо продается всяческая патология во всех ее многогранных проявлениях. В этом ничего удивительного нет: обыватель испокон веков любил цирк уродов, неприличное скоморошество, дурь и пряные шутки на грани и за гранью. В СССР человека ограждали – прививали Норму. Отсюда – видимая несвобода автора» [6].

Понятен этот феномен еще и тем, что, по сути, описывалась модель жизни, а не сама жизнь. Например, такой моделью был соцреализм, призванный стать лекалом для всех произведений. Но в модели есть ограниченный состав элементов, которые обязательны для появления и проявления. Да и для случая любой страны в любом периоде реальная жизнь всегда будет отклоняться от ее описаний. Особенно

отличны киноописания, наполняющиеся визуальными красотами и красотками, в результате имея наибольшее отклонение от действительности.

У СССР почему-то не получилось реальной массовой литературы, хотя массовая культура благодаря телевидению вполне расцвела. «Голубые огоньки» и юмористические передачи именно оттуда. Люди ждали их хотя бы потому, что их жизнь не давала им подобных позитивных эмоций. Тем более, когда появились первые зарубежные сериалы, это произвело просто ошеломляющее впечатление. Улицы городов пустели, когда шел очередной сериал «Просто Марии» или «Санта Барбары». И это вновь говорит о том, что люди уходили в виртуальность, где им было гораздо комфортнее.

Г. Иванкина акцентирует, что массовая культура – это не для нас: «Прекрасно, что попса у нас – ниже плинтуса и кошмарней ужаса. Что мы не умеем стряпать эксцентрические комедии, даже если их режиссер – Григорий Александров. Вспомните сюжеты его картин – трюки и голливудские gags составляют фон повествования, а социальные темы – на первом плане. Например, „Цирк” – это не набор прыжков и нелепых ситуаций, свойственных жанру киношной эксцентрики, но драматический рассказ о любви и ненависти, о расизме и мерзостях капиталистического бытия, о лучшей в мире стране и самом справедливом обществе. В какой американской, французской или итальянской комедии будут петь песню с такими словами: „Но сурово брови мы на-

супим, если враг захочет нас сломать”? Всякая вещь Эльдара Рязанова – бесконечная осенняя печаль, красивая грусть интеллигента 1970-х, пытающегося отыскать свое счастье. Леонид Гайдай, говорите? Ловко выстроенные фельетоны на злободневные темы – то воюем против самогонщиков, то высмеиваем жулье, то иронизируем насчет хулиганов-тунеядцев и лупим, лупим их нещадно с рефреном: „Надо, Федя, надо!” Это не дебильное „Ха-ха-ха!”, это – борьба, а борьба – это серьезно. За что критиковали стилиг? Только ли за преклонение перед буги-вуги и еще каким-нибудь ямайским ромом? Вспомните знаменитый фельетон 1949 года „Стилиги не живут в полном нашем понятии этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни...” Словосочетание „легкая жизнь” было чем-то вроде клейма и имело остро негативный смысл. Жизнь на Руси не может быть легкой по определению, а человек обязан любить трудности. Созидать. Бороться. Спасать мир» [7].

Кино, получившее маркер важнейшего из искусств, действительно не только усиливало, но и создавало тренды поведения советских людей. Когда стране нужны были трактористы, возникал фильм «Трактористы». Когда пришла потребность в танкистах, пришел фильм «Танкисты». И летчики, и офицеры все появлялись в кино, за ними вослед тысячи молодых людей рвались в новую профессию. И это было и после войны. Фильм «Девять дней одного года» о физиках-ядерщиках тоже создал свой тренд. Соответственно перестроеч-

ная «Интердевочка» тоже работала на создание тренда в реальности, только тип героя для подражания теперь изменился из позитивного в негативный.

Уже в советское время кино стало выбрасывать на поверхность иные типажи – людей с их собственной жизнью, которая оказывалась важнее рабочих будней, тем самым нарушая правила соцреализма, где любовь была исключительно в рамках одного рабочего цеха. И не как основная линия, а как дополнение к работе по строительству коммунизма.

Появились и непутевые герои, которые создавали контекст будущей перестройки, когда труд перестал быть основной темой, а только декорацией, на которой разворачивались личные драмы. Это было освоение уже не труда, а быта как главной цели жизни человека. Кино активно заменяло те или иные шестеренки в модели жизни. И личное счастье стало такой заменой, конечно, привлекая массу зрителей, поскольку внимание к общественному счастью может создавать только государство в преодолении индивидуального сопротивления. Кстати, фильмы публицистического свойства вообще делали счастье делом государственным, когда демонстрировали зрителям, как герой идет на смерть ради жизни других. Это реализация уже даже христианского «смертью смерть поправ».

Советское личностное в позднесоветском кино было принципиально контробщественным. На экране забродили взрослые мужики в роли мятущихся мальчиков. Они напря-

женно искали себя. Эти искания, конечно, уводили их все дальше от государства, которое меряло свою жизнь тоннами и километрами, а здесь был всего лишь «грамм любви». Конечно, государство не могло опуститься до грамма.

Новые типажи начали приходить из жизни в кино: «Советская власть на свою голову вырастила некое подобие аристократа, который, как и было положено по статусу, постоянно рефлексировал, читал стихи и никак не мог уйти от нелюбимой жены к любимой пассии. Оба любовника – из породы бывших шестидесятников, то есть первое и оно же последнее поколение тех самых НИИшных дворянчиков, для которых впечатления и смыслы дороже денег. Но при этом они в отношениях с бабами слабы и нерешительны. Не люблю, но не могу бросить. Люблю, но не могу прийти навсегда. На этом месте могли бы оказаться Лукашин, Новосельцев, а также многочисленные персонажи тех лет, галерею которых закономерно замыкает герой Игоря Костолевского в кинофильме „Прости!“» [8].

СССР проигрывает холодную войну не в идеологии, где были выстроены редуты, которые было врагу не одолеть, а в быту, где таких редутов не было. Кстати, одно из первых столкновений такого рода между Хрущевым и Никсоном получило название кухонных дебатов, поскольку они происходили на фоне американской кухни на американской выставке в Москве. И именно здесь был спрятан корень проигрыша СССР в холодной войне. В результате оказалось, что СССР

потерял поддержку населения. Войны не выигрываются, даже холодные, когда тебя не поддерживает свой собственный народ.

В результате замедления развития в период «застоя», уже даже частичного снятия железного занавеса все стало понемногу рушиться. Исчез дух эпохи, на котором держался весь дореволюционный период, когда повсюду звучало «все выше и выше» из гимна авиаторов:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Кстати, песня эта оказалась полностью тождественной нацистской, но вроде удастся доказать, что это немцы заимствовали ее у нас, а не наоборот [9–13].

Песенный и киношный Советский Союз наполнял страну оптимизмом. Он побеждал всех врагов и всех шпионов. Такой наплыв врагов и шпионов был аналогом фронтирной психологии американского вестерна. СССР тоже ощущал себя осажденной крепостью, поскольку кругом были враги. И

они, конечно, засылали шпионов.

Бесконечно побеждая в виртуальной реальности, Советский Союз, как огромный «Титаник», гибнет. Правда, сначала он гибнет в головах, поскольку взоры всех были обращены на Запад. Не спасла ни пропаганда, ни песня, которая и строить и жить помогает... «Мыслепреступление» по Оруэллу захватило если не всех, то многих. Особенно изнывала интеллигенция, именуемая неприятным словом «прослойка». Ей казалось, что именно свобода от цензуры даст великий расцвет. Этого не произошло. На грани смерти живут все творческие союзы: от писателей до композиторов. Мы забываем, что все сильные фигуры прошлого, например, Д. Шостакович, творили при цензуре лучше, чем любые фигуры настоящего, над которыми не висит дамоклов меч цензуры. Будем считать этот парадокс необъяснимым. Сын Шостаковича Максим вспоминает антиформалистскую кампанию 1948 года глазами десятилетнего ребенка: «У нас под Петербургом, в поселке Комарово, была дача. Это не наша собственная дача, родители арендовали ее у дачного треста Комарова. И мы жили на этой даче тогда, когда разразился этот страшный 1948 год, когда на отца обрушилась вся эта жуткая критика партийная. Там, по финской традиции, у нашего дома не было заборов, и через наш участок проходили люди из дома отдыха госучреждения. Это госучреждение была прокуратура советская. И вот они, прокуроры, когда они проходили мимо нашей дачи, они кричали: „Эй, фор-

малиста! Выгляни сюда, покажи свою антинародную морду!» [14].

Единственным объяснением системного порядка может быть то, что СССР своими антикампаниями удерживал людей от «мыслепреступлений», поскольку реальных выступлений против трудно было и так ожидать. И конечно, нельзя не признать, что это не было стимулирующим фактором творчества.

При этом Советский Союз не собирался меняться. Филипп Бобков говорит, к примеру, о главном «демократе», которого все время вспоминают как надежду, рефреном повторяя, что если бы он пожил подольше: «Андропов был не только убежденным коммунистом, но и очень трезвым реалистом, прагматиком. Вот говорят, что он – автор перестройки. Это ерунда! Когда Юрий Владимирович стал Генеральным секретарем, то в своей первой и, к сожалению, единственной работе он сразу вернулся к Марксу. Сразу! Он сказал, что надо посмотреть на то, в каком обществе мы живем, и по Марксу определить, что нам теперь следует делать. Он мне говорил, что мы должны разобраться в том, какой у нас социализм. Что, наверное, в социализме у нас можно и нужно что-то корректировать, поправлять, модернизировать, развивать, но ведь другого социализма в мире нет, и никто не знает, каким он должен быть в идеале... А потому нам надо разобраться, что у нас есть, и идти дальше. Именно так поступает первопроходец. Перестраивать социализм

Андропов не собирався» [15]. И к этому еще можно добавить, что и автором этой работы он не был, ее написал Б. Владимиров, работавший у Суслова, а потом перешедший к Андропову.

СССР выстоял в горячей войне, но погиб в холодной. Причем в холодной войне, которая по определению является войной идей, погибает самое идеологическое государство в мире. Нет подсчетов, которые бы продемонстрировали, сколько денег уходило на эту идеологическую борьбу. Тут и курсы в университетах, тут и глушение зарубежных радиоголосов, и цензура, и борьба КГБ с диссидентами, и содержание идеологической вертикали, замыкавшейся на ЦК вместе с ее партийной печатью. И все ушло в песок...

Литература

1. Иванкина Г. Честь, служение, самоотречение // zavtra.ru/blogs/galina-ivankina-chest-sluzhenie-samootrechenie-2013-01-24-014706.
2. Эллочка-людоедка – символ потребительского общества // fandea.ru/375-ellochka-lyudoedka-simvol-potrebitelskogo-obschestva.html.
3. Иванкина Г. Нам ли стоять на месте // zavtra.ru/blogs/nam_li_stoyat_na_meste.
4. Иванкина Г. СССР как новое прочтение российской империи // <https://cont.ws/@russkoeobozrenie/90985>.

5. Привалихин В. История Нового года в СССР: елки разрешили в 1935-м, открытки – в 1941 м // www.sovsibir.ru/news/162319.

6. Иванкина Г. Свобода от творчества // zavtra.ru/blogs/svoboda-ot-tvorchestva.

7. Иванкина Г. Русь – Восток – Запад // www.dynacon.ru/content/articles/10141/.

8. Иванкина Г. Осенний марафон в направлении зимней вишни // zina-korzina.livejournal.com/738811.html.

9. «Все выше и выше и выше»: СССР или Рейх? // eugenyshultz.livejournal.com/154725.html.

10. Антонов В. Два марша // www.vilavi.ru/pes/aviamarsh/avi1.shtml.

11. Антонов В. Авиамарш // www.vilavi.ru/pes/aviamarsh/marsh1.shtml.

12. Все выше // a-pesni.org/drugije/aviamarch.htm.

13. Тарасов О. Советский «Марш авиаторов» и нацистский марш «Das Berliner Jungarbeierlied» // statehistory.ru/1277/Sovetskiy-Marsh-aviatorov-i-natsistskiy-marsh-Das-Berliner-Jungarbeierlied/.

14. Шостакович М. Жизнь моей семьи была такой, что лучше не вспоминать. Интервью // www.bbc.com/russian/features-44085313.

15. Бобков Ф. Д. Перестраивать систему Андропов не собирался // old.redstar.ru/2005/11/25_11/5_01.html.

СССР как страна иллюзий

Иллюзии рождают государства, религии и идеологии. Иллюзии заставляют ходить с гордо поднятой головой даже тогда, когда она должна быть понурой. Иллюзии строят мир и рушат его. Мы ведем бой за иллюзии и сдаемся или побеждаем благодаря им. Реально у современного человека осталось только одно право. Все остальные у него постепенно забрали, и это право на иллюзии.

Строительство иллюзий сопровождает человечество все время. Каждая религия или идеология считает свою иллюзию единственно правильной, а остальных объявляет еретиками. Раньше иллюзии добивались до власти с помощью огня и меча, теперь – с помощью разнообразных операций влияния на массовое сознание. Но в любом случае целью является создание любви и почитания какой-нибудь конкретной иллюзии.

Последним ярким примером такого массового типа стала замена госкапитализма либеральным с помощью специально организованной кампании под руководством Фридриха Хайека, для чего были созданы первые в мире 150 think tank'ов [1–3]. В результате на либеральный капитализм перешли Тэтчер и Рейган, а Хайек получил Нобелевскую премию. Перестройку тоже можно рассматривать как процесс ускоренной смены иллюзий массового сознания [4–6]. Все

подобные массовые процессы завершаются условными аплодисментами, поскольку изображают ситуацию как долгожданную победу справедливости. Но за углом истории нас всегда будет поджидать следующая иллюзия.

Сегодня мы однотипно живем в мире иллюзий, поскольку человек проводит перед экраном (компьютера, телевизора, смартфона) восемь часов в день, откуда их возникает бесчисленное множество. Совершенство этих иллюзий таково, что мы не рассматриваем их как иллюзии. Нас не волнует, является ли телесериал правдой, поскольку он относится к развлечениям. Нас не волнует борьба за правду в случае фейков, поскольку фейки выполняют другую роль – они находят для нас тот тип социальной идентичности, которая нам близка. Фейк создает заповедник одинаково думающих или думающих, что они думают одинаково.

Советский Союз не имел такой мощи визуальных коммуникаций, которые появились сегодня. Даже фейк нашел себе визуальный аналог в виде «дипфейка». Мы переложили борьбу за правдивость информации на технические платформы (например, вот как это делает Facebook [7] или Reddit, являющийся пятым по посещаемости новостным сайтом-агрегатором [8]).

Сталинский СССР не имел всего этого, при этом и роль визуальных коммуникаций была резко заниженной, сравнивая с нынешними временами. А визуальные коммуникации несут с собой доверие к визуальной картинке. По этой при-

чине «шамкающий» на телеэкране Брежнев был сильнее любых хороших слов, которые он произносил. Неизвестно, как выдержал бы телевидение Сталин. Возможно, не удалось бы выиграть и войну. Например, Вьетнам считают первой телевизионной войной. США вышли из Вьетнама из-за того, что зритель впервые увидел войну глазами солдата из-за наличия в это время телевидения.

Но одновременно СССР удалось выстроить более достоверную иллюзию, чем это удастся сделать современным государствам. При этом на создание этой иллюзии работали люди не советские, а «досоветские», сформированные и получившие образование в дореволюционное время. Они имели как бы «двухярусные мозги» – советские и досоветские, при этом непонятно, что было основным.

Сталин создавал СССР с помощью литературы, искусства, кино [9]. Это были основные механизмы, а репрессии выступали в роли вспомогательных. Иллюзии ковали победы, а поражения списывались на врагов, которых у Сталина было действительно много, поскольку к настоящим приписывали и мнимых.

Возрастное распределение иллюзий касалось каждого: от детей до взрослых. Сильная детская литература, начиная с Аркадия Гайдара, заполняла эмоциональные потребности детей. Рациональная – базировалась в образовании и в таких организациях, как пионеры и комсомолы. Даже мультфильмы были правильными. Крокодил Гена говорит, напри-

мер, Чебурашке, что для того, чтобы стать пионером, нужно сделать много хороших дел. Так что Эдуард Успенский писал не только о том, что мясо лучше покупать в магазине, потому что там костей больше, но и правильные слова тоже. Пионеры-герои могли быть даже партизанами. Все это программировало правильное поведение, которое, несомненно, давало свои плоды по принципу *tabula rasa* – то, что записывается в память первым, остается навсегда.

Обе стороны холодной войны были заняты строительством иллюзий как для себя, так и для своего противника. Здесь они были сильнее, чем в чисто физическом пространстве, поскольку эксплуатировалась сфера мечты, не имеющая ограничений физического порядка. Советские государственные иллюзии всегда были направлены ввысь – в небо, в стратосферу, в космос, поскольку это захватывает и покоряет.

Иллюзии одних воевали против иллюзий других. Кстати, довоенный и послевоенный советский мир иллюзий захватил очень много западных интеллектуалов. Марксисты и неомарксисты составили в определенной степени ядро западного мышления. Причем это был переход не теоретического порядка, когда одна идея отталкивается от другой. Это был переход от советской действительности, хотя и парадного порядка, к новым идеям.

Сталинская система на идеологическом уровне постепенно свелась к борьбе с врагами народа. Только менялось на-

звание, под шапкой которого происходила эта борьба. Такая пропагандистская кампания, возникавшая время от времени, «взбадривала» не так население, как тех, кому было, что терять.

Интересно, что по-настоящему мощной кампанией была антисталинская, с помощью которой, как считается сегодня, руководители того времени во главе с Хрущевым хотели списать все грехи на Сталина и выйти сухими из воды. При этом Хрущев в беседе с Тито сказал, что Сталина в обиду не дадим [10].

Но кампания есть кампания, и «уже вскоре после XX съезда КПСС из художественных и документальных фильмов стали в массовом порядке вырезать не только кадры со Сталиным и Молотовым, но даже их портреты. Но за пределами СССР картины поныне демонстрируются в оригинальных версиях» [11].

Однако десталинизация в результате оказалась такой же иллюзией, как и сам культ личности Сталина. При этом Сталин сохранил свое место в пантеоне и в современной России. По данным 2017 года, в рейтинге выдающихся личностей в истории Сталин получил первое место с 37 % голосов, А. Пушкин – второе с 34 %, Ленин – третье с 32 % [12]. Данные 2018 года демонстрируют падение этой «любви», здесь отношение к Сталину начинает меняться [13]:

	апр.01	апр.06	окт.08	фев.10	окт.12	мар.14	мар.15	мар.16	январ.17	мар.18
С восхищением	4	5	1	2	1	3	2	2	4	2
С уважением	27	23	22	23	21	28	30	28	32	29
С симпатией	7	8	8	7	6	9	7	7	10	9
Безразлично	12	19	37	38	33	30	30	32	22	31

Символы все время пытаются подмять под себя все пространство. Был лозунг «Ленин – наше все», потом – «Сталин – наше все». Сегодня Россия имеет «Путин – наше все». Говоря словами Володина: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России».

Но символы тоже прячут за собой иллюзии, поскольку их приходится принимать как данность без всякой проверки. Мы никогда не задумываемся над тем, что может стать символом завтра, куда именно пойдет человечество. Такой странный поворот возникает, слушая сегодняшние дискуссии на тему завтрашнего образования, когда постулируется, что мы должны обучать детей только тому, что не смогут делать роботы. Именно поэтому прозвучала фраза о ненужности физико-математических школ.

Мы хорошо не знаем ни прошлого, ни настоящего, поскольку государства не раскрывают его своим гражданам, а будущее вообще остается за пределами наших возможностей. По этой причине туда можно помещать любые наши представления. КПСС несколько раз провозглашал то построение коммунизма устами Хрущева, сказавшего, что ны-

нешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, то каждой советской семье по отдельной квартире в 2000 году – устами Горбачева. Это была манипуляция иллюзиями, призванная спрятать реальность куда-то подальше.

Иллюзии могут побеждать реальность. Однако рано или поздно реальности удастся выбраться из-под гнета иллюзий. Иногда ждать этого приходится достаточно долго. Иллюзии умирают, сменяя друг друга, а реальность все равно не приходит.

Евгений Ихлов увидел в романе Пастернака «Доктор Живаго» идеологическую диверсию: «Травлей Пастернака также утопили первый этап оттепели, как „выставкой в Манеже” – второй. И эта травля надолго превратилась для либеральной интеллигенции (наряду с процессом „тунеядца Бродского”) в хрестоматийный пример абсурдной ненависти злобных и тупых кадров к почти неземному таланту. Однако все это не совсем так. Роман Бориса Леонидовича был прекрасно рассчитанным ударом по основам советской политидеологической мифологии, причем именно послесталинской. До оттепели Гражданскую войну, ту кипящую драконьей кровью купель, из которой вылез дракон большевистского государства, изображали как сагу. Она могла быть изображаема и как хаос неслыханной жестокости, потому что согласно ее центральному мифу защитник Красного Вердена – Царицына – Сталин мог подаваться именно как кротитель хаоса и восстановитель порядка. Однако хрущев-

ская оттепель вернула романтику Гражданской войны, а ее события все чаще стали подаваться как вестерн. Хрущевское руководство исторически легитимировалось как необольшевики. И вдруг выходит – да еще за границей, да еще и получает международную премию – роман, не просто возвращающий описание послереволюционных событий как ада, да еще и от лица нераскаянных выходцев из „эксплуататорских классов”, но и снимающий былинную оппозицию светоносных героев и мерзких и нелепых чудищ. То, что к тому времени разрешалось одному Булгакову и только по личному указанию Сталина, которому нравилось смотреть, каких он урыл золотопогонных благородий... Пастернак со всей мощи ударил в самую сердцевину стремительно формируемого мифа о „пыльношлемных комиссарах” и „красных партизанах”, о добром Ленине и справедливом Дзержинском – в противовес параноику Сталину и палачу Берии. Ведь статую Железному Феликсу в декабре того же 1958-го ставили на Лубянке именно как укор „недобитым бериевцам”. Солженицын сможет повторить такой литературный удар по эпохе красного террора только через 15 лет – в „ГУЛАГе»» [14].

В пользу такой сложной конструкции может говорить только тот факт, что премия пришла к Пастернаку действительно с помощью ЦРУ [15–18]. В самих рассекреченных документах ЦРУ речь идет о том, что так можно оказать давление, чтобы роман был напечатан внутри страны [19–20]. Требовалось также издать роман на многих языках, чтобы

он мог заслужить тем самым Нобелевскую премию. Однако, как видим, перед нами просто обмен «ударами», подобный, например, продвижению выставок американских экспрессионистов за рубежом, что должно было рекламировать свободу искусства в Америке [21–22].

В позднем СССР бурно развивался самиздат. Игорь Ларионов подводит такой итог его существованию: «Во второй половине XX века Самиздат стал реальной альтернативой официальной советской литературе. С его помощью распространялись идеи, не соответствующие господствующим идеологическим и эстетическим нормам. Кроме того, Самиздат способствовал реализации сдерживаемого цензурой творческого потенциала, давал возможность самореализоваться, раскрыться. И, наконец, одной из самых важных функций самиздата является социальное просвещение. Самиздат «формировал умы», давал почву для размышления, расшатывал государственную систему изнутри, подготавливая почву для демократических преобразований» [23].

Как видим, была и альтернативная информационно-виртуальная среда для строительства независимых от государства иллюзий. А поскольку «запретный плод – сладок», она с неизбежностью была обречена на интерес со стороны граждан. Наказание за этот интерес было несоизмеримо большим, чем сами эти иллюзии. Это хорошо демонстрирует стремление государства монопольно владеть всеми иллюзиями в стране. Можно переиначить известный советский

Марш танкистов: «Чужих иллюзий не хотим ни пяди, но и своих иллюзий не дадим».

При этом и сегодня мы, перейдя на новые иллюзии, в сильной степени ориентируемся на образцы иллюзий прошлого. Георгий Бовт, например, пишет: «В головах многих представителей политического класса России по-прежнему жива советская модель. Когда все информационное и культурное пространство были под завязку забиты „положительными образами“. Пионеры-герои, воины-герои, разведчики-герои, спортсмены и космонавты – тоже герои, которые не станут сверлить дырки в космических кораблях. Выдающиеся ученые-изобретатели, помогающие обществу рваться к сияющим высотам коммунизма. Выдающиеся писатели и кинематографисты, прославляющие героев и строителей коммунизма. Передовики производства, перевыполняющие планы и получающие за это почет, уважение, телевизионную славу, депутатские места, а также квартиры и путевки в санатории» [24].

И понятно почему – это все картинки успеха, если не страны, то пропаганды. А успех всегда манит и привлекает. Феномен звезд Голливуда, возникший в далекое довоенное время, как раз зиждется на этом. Герой соцтруда – это тяжелый вариант успеха, зато звезда – легкий, по крайней мере так кажется зрителю.

Именно по этой причине советская пропаганда так долго хранится в нашей памяти – она повествовала об успехе, ко-

торого мог достичь каждый. Сегодня, наоборот, скорее можно говорить не о системном, а о случайном успехе, подобном золотоискательскому. По этой причине десять украинских олигархов и сто олигархов российских не могут быть примеров для подражания, поскольку они уже все забрали себе.

Алексей Рыбин пишет, отталкиваясь от критики современной ситуации: «Ничто не повторяется, и такого, как в СССР, не будет. В Советском Союзе в пропаганде работали люди очень образованные, говорившие на хорошем русском языке в отличие от тех уродцев, которых я вижу по телевидению, и которые не могут двух слов связать. В каждой фразе жаргонизмы, сленг. Абсолютное быдло с экранов телевизоров рассуждает о высоких материях – об экономике, о религии, о политике. В Советском Союзе люди были образованные, профессионалы. Поэтому пропаганда была более действенна, чем нынешняя. В СССР все верили пропаганде» [25].

Пропаганда была более действенной скорее потому, что была монопропагандой. Не нужно было заниматься информационной повесткой дня, над которой сегодня «потеет» Запад. Повестку дня задавала газета «Правда», и все выстраивалось под нее. Но такая централизация и цензура «теряли» множество важных событий и деталей, без которых сложно сложить правильную историю.

Вот воспоминания участника военного парада 7 ноября 1957 года: «В клубе перед нами выступили представители

ЦК, фамилии сейчас не помню, да это и не столь важно. Они довели до нас решение Октябрьского Пленума ЦК КПСС и призвали нас быть бдительными, поддержать партию и т. д. В основном это сводилось к тому, „что Партия вскрыла серьезные недостатки в партийно-политической работе в Советской Армии и Флоте. Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в октябре 1957 года, в постановлении „Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте” осудил грубые нарушения ленинских принципов руководства Вооруженными Силами, допущенные бывшим тогда Министром обороны Г. К. Жуковым. Обнаружилось, что он, будучи Министром обороны, проводил линию на свертывание работы армейских партийных организаций, политорганов и военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Вооруженными Силами со стороны партии, ее ЦК и Советского правительства. Пленум вывел Г. К. Жукова из руководства органов партии”. Да еще мы предупреждались, что, возможно, будут вооруженные выступления, для чего нам выданы патроны. А ночью в Москву будут введены танки. Они действительно были введены и участвовали в параде. До этого танки в парадах не участвовали, боялись, что они повредят брусчатку. Все закончилось мирным путем, а если бы... сколько было бы бессмысленных жертв? Все происходило тихо и незаметно для рядового обывателя. Правда, ввод танков и тогда заметили москвичи, но времена были такие, когда еще действовал безраздельный страх» [26].

От этого события нас отделяет более шестидесяти лет, при этом рассказ о них сегодня печатается в газете 2018 года. То есть сила государства держалась на управлении иллюзиями, которые порождались не только образованием, академическими институтами истории, но и медиа. Интерпретации прошлого, настоящего и будущего были полностью в руках государства.

Частично этому способствует и то, что все мы живем не только в государственной, но и каждый в своей реальности. Это, кстати, и привело к тому, что в период перестройки государственная реальность как взгляд государства на правильность/неправильность была полностью вытеснена частными взглядами. Государство «растворилось», правда, оно начало исчезать еще и до перестройки, когда идеология ритуализировалась и ее заменили цитаты классиков марксизма-ленинизма. Балом стал править ритуал. Повсюду были ритуальные слова, провозглашались ритуальные речи и доклады. Первые лица разучились выступать, читая все по бумажке. Даже когда Щербицкий мог говорить сам, в угоду Брежневу он тоже читал по бумажке.

Советский Союз умер именно в этой точке, когда идеология и создаваемая ею модель мира из уличной стала кабинетной, а следовательно, никому не нужной. Это как известное наблюдение, что художественная литература стала скучной и ненужной, когда она пришла в школу и за нее стали ставить оценки.

Симон Кордонский говорит такие слова о разных реальностях: «Реальностей много. Собственно, у каждого человека своя реальность и не одна. Мы говорим о ментальных реальностях, которые латентно определяют поведение людей. А иногда и не латентно, как в случае с добровольцами на Донбассе и Сирии. У бывших советских людей очень искаженное представление о социальном времени. В советский период прошлое, настоящее и будущее были искусственно разделены. Между ними не было связей. Было великое – но плохое – прошлое, не очень хорошее настоящее и светлое будущее. Ну и, соответственно, люди разделились на группы, ориентированные на прошлое, настоящее и будущее. Фундаменталисты ориентировались на прошлое, которое они хотели сделать будущим. Они породили ту литературу, которую издавали „Молодая гвардия” и „Современник”. Люди, ориентированные на будущее – прогрессисты, тоже сформировали свою литературу, самыми яркими их представителями были братья Стругацкие. И только советские люди, ориентированные на настоящее, не породили в литературе, с моей точки зрения, ничего значимого» [27].

И он продолжает: «Сегодня в ментальном поле фундаменталисты. И власть, и люди ориентированы на поиск в прошлом той точки, когда страна скурвилась и пошла не тем путем, а усилия направляются на то, чтобы вернуться в эту точку и пойти правильным путем. Для них настоящее есть актуализация прошлого. Заметьте, образованные люди спорят о

том, что было в XVIII веке, при Александре II, при Сталине, Хрущеве, Брежнев, Горбачеве так, будто время этих деятелей еще за окном. Люди кардинально различаются только в оценках того, каким было это настоящее/прошлое, плохим или хорошим».

Иллюзии используют во внешней и внутренней политике. Например, такой советской иллюзией стало самостоятельное проведения индустриализации в СССР, хотя все заводы для этого реально прибыли из-за рубежа [28]. Даже великий Т-34 появляется на свет в результате американской модернизации: «Из-за неудовлетворительных технических характеристик Т-34 советское руководство обратилось за помощью в модернизации танка к США. В декабре 1941 года танк Т-34 был передан американцам для всесторонних испытаний и разработки рекомендаций по усовершенствованию. После тщательных испытаний Т-34 на Абердинском полигоне американские специалисты сделали очень неприятные выводы. «Средний танк Т-34 после пробега в 343 км полностью вышел из строя, его дальнейший ремонт невозможен. Водозащита корпуса Т-34 недостаточная, в сильные дожди в танк через щели натекает много воды, что ведет к выходу из строя электрооборудования. Сварка бронеплит корпуса Т-34 грубая и небрежная. Мехобработка деталей за редким исключением очень плохая. Все механизмы танка требуют слишком много настроек и регулировок». Еще более удивила американских экспертов трансмиссия. Как оказалось, она

была в точности скопирована с устаревшей американской конструкции, разработанной еще в 1920 годы. Общий вывод звучал безапелляционно: «Мы считаем, что со стороны русского конструктора, поставившего такую трансмиссию в танк, была проявлена нечеловеческая жестокость по отношению к водителям». А ведь в США был отправлен не рядовой танк, а один из пяти специально собранных „эталонных” Т-34. В результате американцы предложили СССР множество собственных технологий для модернизации Т-34» [29].

Большинство советских автомобилей оказались копиями западных [30–32], детская литература повторяет их судьбу [33–34], как и детские игрушки [35]. Не говоря уже о роли научно-технической разведки в создании советского ядерного оружия.

Или недавний российский пример: 11 октября 2018 года произошла авария – ракета-носитель «Союз-ФГ» не смогла вывести на орбиту космический корабль «Союз МС-10» с новым экипажем МКС. Как оказалось после, сборка осуществлялась с помощью кувалды [36]. Но, как удивлялись американцы, к первым «тридцатичетверкам» тоже прилагалась кувалда для запуска мотора.

Брежневский «застой» мы должны рассматривать как первый этап перестройки. Именно он остановил «забег» за счастье для всего человечества, вернув людей к счастью в своих квартирах. Чем больше становилось людей в индивидуальных квартирах, тем сложнее их было поднимать на по-

двиг. Получается, что советская мобилизационная экономика и политика ковали тип человека под четкие государственные потребности. Человек из общежития мог уехать на строительство БАМа, человек из своей квартиры – нет.

Именно в этот момент к нам пришли не только более свободно западные фильмы, поскольку кинотеатрам надо было зарабатывать деньги, а продвижение идеологии неприбыльно. Имея желание заработать, партийные издательства стали переводить то, что могло дать деньги, а это было то, что хотели читать читатели. И коммерция победила партийность.

Уже в перестроечное время к нам пришло и чудо визуального века – телесериалы. Елена Ракитина пишет о феномене «Рабыни Изауры», а ведь была еще и «Санта Барбара», и «Просто Мария» с однотипно опустевшими в момент трансляции улицами городов: «Тоска по вымыслу, которому можно просто сопереживать, над которым можно, по словам классика, облиться слезами, была утолена на излете советской истории тем, что пару лет спустя презрительно начнут называть „бразильским мылом” [...] Знать, что завтра или через неделю снова увидишь тех, к кому привык и прикипел сердцем, пусть их и не существует в трехмерном мире; что в жизни есть нечто надежное, хотя бы на сезон-другой, а если повезет, то его продлят – разве не в этом суть нашей любви к сериалам? Современный человек, быстро и насыщенно взаимодействующий с внешним миром, чудовищно одинок. Он вечно на связи, у него вечно что-то гудит и звонит в кар-

мане, подмигивая зеленым огоньком, но это хаотичное движение и мелькание плохо складывается в жизнь, от которой мы по-прежнему ждем если не постоянства, то продолженного, продолжающегося смысла. 50 минут любимого сериала и надежда на то, что будет еще 50 минут, его, конечно, не обеспечивают. Но предлагают действенный паллиатив в его отсутствие. И когда на экране или мониторе сходятся в бою армии, взлетают драконы, всеведущие спецслужбы и могущественные недруги строят козни герою, по единственной ворсинке находят убийцу, вершится история и делается политика, когда мы следим за выдуманными делами, бедами и чувствами персонажей, едва ли кто-то вспомнит о том, что начиналось для нас это вхождение в новый мир с бразильской кварталонки Изауры, с ее злоключений и любви» [37].

Образуется парадокс – наши производители виртуального продукта, а именно они несут миру иллюзии, могли поднимать высоко свои знамена только тогда, когда были независимы коммерчески от зрителя или читателя. Когда же экономика поставила их на колени перед потребителем, вся строительная идеологическая система рухнула.

Поэт-переводчик Григорий Кружков говорит о давлении советских издателей: «Почему так поздно? Наивный вопрос для того, кто знает принципы книгоиздания зарубежной литературы в советский период. Что издавать, что нет, что допускать, что запрещать – было вопросом идеологическим. Это решали облеченные доверием партии зубры марксист-

ского литературоведения. Допустимыми признавались очень немногие авторы – те, которые были признаны „прогрессивными”. Скажем, английские романтики были разделены на три категории: революционные, реакционные и „ни то ни се”. Революционных (Байрон, Шелли) можно было издавать (по-немногу!), реакционных (Вордсворт, Кольридж, Саути) – ни в коем случае. А тех, которые ни то ни се (прежде всего Джона Китса), нежелательно... Но режим ветшал, и постепенно нормальным филологам и переводчикам удавалось протолкнуть новое, ранее запрещенное имя; каждый раз это была победа. Огромным свершением была „Библиотека всемирной литературы”, энтузиастам которой удалось донести до читателей десятки и сотни неизвестных доселе советскому читателю имен. Вот тогда-то и появились переводы Китса, Вордсворта, Саути и так далее, – хотя до отдельного издания им еще пришлось ждать много лет. Джон Донн – поэт придворного круга, метафизический (!) и религиозный (!!) – помилуйте, кто бы его разрешил издавать в глухую советскую эпоху. Повторяю, его „пробили” энтузиасты, и процесс „пробития” был ой какой длинный. Как вы совершенно верно заметили, породнили Донна с русской поэзией даже не переводы Бродского, а его гениальная „Большая элегия Джону Донну”». [38].

И это хорошо подтверждает, например, Записка отдела культуры ЦК КПСС от 25 января 1958 года, в которой звучат такие замечания: «Издание иностранной беллетристики

не используется в должной мере для ознакомления широкого круга советских читателей с происходящими в жизни народов историческими переменами, ростом и укреплением лагеря социализма, крушением колониализма, неизбежным закатом всей системы капитализма, губительным влиянием империализма на судьбы людей. В общем объеме переводной художественной литературы книги об этих процессах составляют менее одной трети. Издание современной зарубежной литературы не направляется Министерством культуры СССР должным образом на расширение наших связей с прогрессивными литературными силами во всех странах и сплочение этих сил в борьбе за мир и демократию. Центральные издательства (Гослитиздат, Иноиздат, Детгиз) не разработали четкой системы в отборе книг для издания на русском языке, допускают непродуманный, а нередко беспринципный подход к этому важному делу. В особенности это относится к Издательству иностранной литературы, на которое возложена основная задача перевода и издания вновь выходящих за рубежом книг. В издании литературы ряда капиталистических стран в 1957 году этим издательством предпочтение было отдано буржуазным авторам. Так, из четырех французских книг, изданных в истекшем году, лишь одна принадлежит перу прогрессивного писателя («Гиблая слобода» Шаброля), три – перу буржуазных писателей (Веркор, Мориак, Дрюон). План издательства на 1958 год не направлен на улучшение дела; Он составлен без реального учета по-

литических событий и литературного развития за рубежом. Книги писателей стран народной демократии в этом плане по числу названий составляют всего около трети. Больше всего намечено издать произведений югославских писателей (7 названий из 36). В то же время из китайской литературы, которая отражает огромные исторические изменения в жизни народа, намечается выпустить две книжки (роман Цинь Чжао-Яна «Вперед, на поля» и сборник рассказов китайских авторов). Богатая литература ГДР представлена лишь книгой Арнольда Цвейга о событиях первой мировой войны, да сборником рассказов (в который входят также рассказы писателей ФРГ)» [39].

Правда, отголоски этой борьбы и родной советский акцент можно услышать и у некоторых сегодняшних исследователей. Например, Зульфира Чанышева в статье «Перевод как инструмент идеологической диверсии в межкультурной политической коммуникации» пишет: «Использование текстуальных лексических единиц в англоязычной версии, вытесняющих словарные соответствия, имеет целью подать реальный факт в соответствующей идеологической упаковке, ср.: «Совет Федерации разрешил Путину ввести войска на Украину» [lenta.ru.01.032014] – «Ukraine crisis: Putin asks Russian Parliament's permission for military intervention in Crimea» [The Independent.01.03.2014]. В данном случае в англоязычном тексте искажен реальный смысл мартовских событий 2014 г., когда после государственного переворота на

Украине и установления крайне реакционного режима население Крыма обратилось к руководству России с просьбой о защите и обеспечении безопасности. Хотя руководству России не пришлось воспользоваться предоставленным разрешением, в западной прессе закрепилось использование слов *military intervention, aggression, invasion, annexation* со значением военной агрессии, интервенции вместо присоединения, воссоединение в российских СМИ» [40].

Во всяком деле иллюзии играют далеко не последнюю роль. Столкновение иллюзий может лежать в основе победы в битве. Они же определяют победу в избирательной борьбе. В холодной войне советским иллюзиям пришлось потесниться, поскольку СССР продвигал иллюзии цветущего государства, а Запад – цветущего человека, и индивидуальное, по сути, победило коллективное. Можно даже сказать, что биологическое оказалось сильнее социального. Просто Советский Союз не нашел вариантов их совмещения.

Литература

1. Почепцов Г. Как строятся иллюзии: экономика // psyfactor.org/lib/ekonomika-illyuzii.htm.
2. Почепцов Г. Домашние войны во время мира: организация жизни как цель внутреннего информационно-виртуального воздействия // hvylya.net/analytics/society/domashnie-voynyi-vo

vremya-mira-organizatsiya-zhizni-kak-tsel-vnutrennego-informatsionno-virtualnogo-vozdeystviya.html.

3. Почепцов Г. Ретрансляторы чужих смыслов // psyfactor.org/psyops/propaganda24.htm.

4. Почепцов Г. Перестройка в СССР как вариант виртуальной войны // psyfactor.org/psyops/perestroyka-2.htm.

5. Почепцов Г. Социально-информационные процессы в СССР: оттепель, перестройка и другие // psyfactor.org/lib/ottepel.htm.

6. Почепцов Г. Управляя однообразием: постскрипtum к статье «Социально-информационные процессы в СССР» // psyfactor.org/lib/ottepel-2.htm.

7. Levin S. Facebook has a fake news «war room» – but is it really working? // www.theguardian.com/technology/2018/oct/18/facebook-war-room-social-media-fake-news-politics.

8. Kent J.L. a.o. Exclusive: Reddit CEO talks about fending off Russian election interference // www.nbcnews.com/tech/tech-news/exclusive-reddit-ceo-talks-about-fending-russian-election-interference-n921151.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.